

*Памяти Александра Михайловича
Лобычева (1958—2018),
интеллекта и подвижника*

НА КРАЮ РУССКОЙ РЕЧИ

Культурное освоение территории не менее важно, чем военное, административное, хозяйственное. Только ожив в слове, мелодии, образе, территория становится по-настоящему *освоенной*.

Литературная прописка отдалённых малонаселённых уголков империи — задача государственного масштаба.

Начатое адмиралом Геннадием Ивановичем Невельским¹ присоединение Сахалина к России продолжил Антон Павлович Чехов², создав первую энциклопедию дальневосточной жизни. Приживление Приморья к России завершил Владимир Клавдиевич Арсеньев³ — писатель и учёный.

Не потому ли мы утратили Аляску, что Русская Америка не успела по-настоящему прирасти к метрополии, не будучи осмысленной в песнях и романах? Или — ещё и потому, что за неё не пришлось воевать?

Историю и географию мы знаем по большому счёту из литературы — архивы и документы остаются уделом специалистов. Именно литература даёт возможность ощутить далёкие земли и эпохи своими, близкими — будь то катаянская Одесса, бажовский Урал или распутинская Ангара.

Литературная освоенность российских территорий неравномерна. Если Днепр, Дон, Колыма навсегда поселились в нашей словесности, то кому известны Яна, Алазея, Оленёк, не уступающие «великим европейским рекам»? Волга впадает в Каспийское море — а куда вливается грандиозная Обь? Чёрное море описано вдоль и поперёк — а как быть с Беринговым, Охотским, Японским?

Поначалу освоение Дальнего Востока шло по «северам» — через Якутск и Охотск на Камчатку, Чукотку, Аляску... В XIX веке добавился южный ход — от Байкала к Аму-

¹ 1813—1876.

² 1860—1904.

³ 1872—1930.

ру, Уссури, Япономорью. Сегодня наиболее заселённый Дальний Восток — именно «юга́»: Приморье, Приамурье, Сахалин.

Русской истории этих земель нет и двух веков. Территории не хватает тех, кто способен её осмыслить.

Зачинателем дальневосточной ветви русской литературы с некоторой натяжкой можно считать протопопа Аввакума¹ — диссидента, публициста, мученика, которого писатель Андрей Георгиевич Битов² назвал первым пост-модернистом. С отрядом воеводы Афанасия Филипповича Пашкова³ Аввакум добрался до забайкальских истоков Амура — этот путь описан в его знаменитом «Житии...»⁴. Именно с Забайкальем связан известный диалог Аввакума с супругой: «Я пришёл, — на меня, бедная, пеняет, говоря: “долго ли муки сея, протопоп, будет?” И я говорю: “Марковна, до самая смерти!” Она же, вздохня, отвечала: “добро, Петрович, ино ещё побредём”».

В следующем, XVIII веке на восток внимательно смотрел дальновидный Михайло Васильевич Ломоносов⁵, написавший в «Оде на день восшествия на всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»:

Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зелёных берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

.....

Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Речь идёт о необходимости пересмотреть Нерчинский договор 1689 года, дабы присоединить к России Приаму-

¹ Аввакум Петров; 1620—1682.

² 1937—2018.

³ ? — 1664.

⁴ Полное название — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (1670-е годы).

⁵ 1711—1765.

рье и Приморье. Мечта Ломоносова сбылась век с лишним спустя — в 1858—1860 годах с подписанием Айгунского и Пекинского договоров между Россией и Китаем.

В 1827—1829 годах в Якутии отбывал ссылку декабрист Александр Александрович Бестужев-Марлинский¹. Написал «Сибирские рассказы», которыми зачитывался Александр Сергеевич Пушкин, и балладу «Саатырь», скрестив таёжные якутские предания с европейской романтической мистикой.

Русские долго считались народом сухопутным; пожалуй, именно байронист Бестужев-Марлинский первым из соотечественников создал художественный образ моря, попробовал сформулировать философию океана. Герой его повести «Фрегат “Надежда”» (1832) капитан-лейтенант Правин собирается «отправиться на четырёхлетнее крейсерство к американским берегам, частью для открытий, частью для покровительства нашей ловле у Ситхи², у Алеутских островов и близ крепости Росс». Этого ему не удаётся. Пришлось писателю Ивану Александровичу Гончарову³ покинуть обломовский диван и отправляться к берегам Японии и Америки на фрегате «Паллада» — уже не выдуманном, а настоящем. Правда, добраться до Аляски «Палладе» тоже было не суждено. Поэтому Русскую Америку мы знаем не из Гончарова, а из Джека Лондона⁴, жившего, кстати, неподалёку от той самой крепости Росс (Форт-Росс) — самого южного русского поселения в Калифорнии, основанного в 1812 году.

Десятилетия спустя в Якутии — как и Бестужев-Марлинский, не по своей воле — окажутся писатели Николай Гаврилович Чернышевский⁵ (якутский поэт Элляй⁶ сравнил его с Прометеем), Владимир Галактионович Короленко⁷, Вацлав Леопольдович Серошевский⁸.

Прототип заглавного героя короленковского рассказа «Сон Макара» — крестьянин Захар Цыкунов, у которого

¹ 1797—1837.

² С и т к а (*устар.* Ситха) — город на Аляске, до 1867 года Ново-Архангельск, столица Русской Америки. Основан в 1799 году первым правителем Русской Америки Александром Андреевичем Барановым.

³ 1812—1891.

⁴ 1876—1916.

⁵ 1828—1889.

⁶ Серафим Романович Кулачиков; 1904—1976.

⁷ 1853—1921.

⁸ 1858—1945.

писатель жил в посёлке Амге: «...Пока отцы и деды Макара воевали с тайгой, жгли её огнём, рубили железом, сами они незаметно дичали. Женясь на якутках, они перенимали якутский язык и якутские нравы. Характеристические черты великого русского племени стирались и исчезали... Макара твёрдо помнил, что он коренной чалганский крестьянин. Он здесь родился, здесь жил, здесь же предполагал умереть. Он очень гордился своим званием и иногда ругал других “погаными якутами”, хотя, правду сказать, сам он не отличался от якутов ни привычками, ни образом жизни. По-русски он говорил мало и довольно плохо, одевался в звериные шкуры, носил на ногах торбаса, питался в обычное время одною лепёшкой с настоем кирпичного чая, а в праздники и в других экстренных случаях съедал топлёного масла именно столько, сколько стояло перед ним на столе. Он ездил очень искусно верхом на быках, а в случае болезни призывал шамана, который, беснуясь, со скрежетом кидался на него, стараясь испугать и выгнать из Макара зашившую хворь». Но когда Короленко разрешили вернуться из ссылки, Захар просил «прислать ему всю крестьянскую одежду, как носят в России», чтобы хоть перед смертью одеться по-русски.

Повесть Вацлава Серошевского «Предел скорби» о таёжном якутском лепрозории вдохновила режиссёра Балабанова¹ на фильм «Река», оставшийся незаконченным из-за гибели актрисы Туйары Свинобоевой. Рассказ Серошевского «Хайлак» неожиданным образом преломился в балабановском же «Кочегаре».

Сосланный на северо-восток народоволец, этнограф, лингвист Владимир Тан-Богораз² написал романы «Жертвы дракона» (первое русское фэнтези) и «Восемь племён», «Чукотские рассказы» и — задолго до Варлама Тихоновича Шаламова³ — «Колымские рассказы».

Русская дальневосточная литература росла из травелогов, дневников, монографий: «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова⁴, записки купца Григория Шелихова⁵, морского офицера Гавриила Давыдова⁶, капитанов

¹ Алексей Октябринович Балабанов; 1959—2013.

² Владимир Германович Богораз; 1865—1936.

³ 1907—1982.

⁴ Степан Петрович Крашенинников; 1711—1755.

⁵ Григорий Иванович Шелихов (Шелехов); 1747—1795.

⁶ Гавриил Иванович Давыдов; 1784—1809.

Крузенштерна¹, Лисянского², Головнина³, «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России» адмирала Невельского... Первопроходцы нередко сочетали таланты военные, научные и литературные.

Иногда писатели на время превращались в моряков — как Иван Гончаров или Всеволод Крестовский⁴.

Порой моряки становились писателями — как Константин Михайлович Станюкович⁵, который в 1862 году, будучи гардемаринном, столкнулся во Владивостоке, основанном всего два года назад, с тигром: «Утром часов в шесть, когда ещё на дворе было темно, а ветер завывал немилосердно, вбежал к нам в комнату фельдфебель Бородин с криком: “Несчастье, Ваше благородие!”... Оказалось, что ночью тигр перебрался через соломенную крышу скотного двора и заел трёх лошадей, свалив их в кучу».

Инженер и писатель Николай Георгиевич Гарин-Михайловский, автор «Детства Тёмы», в 1898 году вёл в Приморье, Корею и Маньчжурии железнодорожные изыскания, попутно записывая корейские сказки.

Все названные и неназванные авторы так или иначе продолжали и развивать русскую словесность, и осваивать территории, что начали казаки, разведчики, священнослужители, чиновники, купцы, крестьяне, ссыльные... Писатели были здесь нужны не меньше, чем солдаты и пограничники. Литературные Карацупы столбили и стерегли территорию, которая только тогда становилась *вполне* нашей, когда переплавлялась в слова.

Знаменитую формулировку Аполлона Александровича Григорьева⁶, назвавшего Александра Сергеевича Пушкина «нашим всем», можно понимать и так: Пушкин — матрица, содержащая коды всей предшествовавшей и наследующей ему отечественной литературы. Если попытаться выделить из этой ДНК-молекулы главные силовые линии, относящиеся к событиям национальной истории, увидим три большие темы: Петровские реформы, Пугачёвское восстание и освоение дальневосточных земель. Можно сказать,

¹ Иван Фёдорович Крузенштерн; 1770—1846.

² Юрий Фёдорович Лисянский; 1773—1837.

³ Василий Михайлович Головнин; 1776—1831.

⁴ Всеволод Владимирович Крестовский; 1840—1895.

⁵ 1843—1903.

⁶ 1822—1864.

что это главные русские идеи вообще — государственность (вплоть до деспотии), воля (вплоть до бунта) и движение вширь, вовне (вплоть до Америки, полюсов, космоса и океанского дна).

Но если отношение Пушкина к Петру I и Емельяну Пугачёву¹ отражено в целом ряде его поэтических, прозаических и исторических сочинений, то тема «Пушкин и Дальний Восток» остаётся малоисследованной — как по причине периферийности самого Дальнего Востока на карте России и в сознании столичных литературоведов, так и в силу того, что по-настоящему заняться соответствующими вопросами Пушкин не успел. Он лишь наметил восточное направление в нескольких набросках, сделанных в последние недели и даже дни жизни.

Как Первая Камчатская экспедиция Витуса Ионассена Беринга², снаряжённая в 1725 году, стала своего рода завещанием Петра I (считавшийся западником, он, как видим, смотрел отнюдь не только в сторону Европы), так и невольным литературным завещанием Пушкина стали его черновики о Камчатке. Не успев добраться до восточных пределов империи, он тем не менее чётко обозначил дальневосточную тропу нашей словесности, которую позже торили и обновляли, дабы она не заросла, литераторы самых разных толков и калибров.

К дальневосточным наброскам Пушкина, имеющим общее заглавие «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С. П. Крашенинникова», относят три фрагмента: «План и набросок начала статьи о Камчатке», «О Камчатке» и «Камчатские дела (от 1694 до 1740 года)». На последней рукописи Пушкин поставил дату — 20 января 1837 года. «Семь дней до дуэли, девять дней до смерти!.. Разгар трудов над четвёртым томом “Современника”, твёрдое намерение писать новые главы для “Истории Пугачёва”, на столе груды материалов по истории Петра; денежный долг давно перевалил за сто тысяч, ненависть и презрение к Геккерну, Дантесу отравляют мысли и сердце. Непременно нет времени... Но Пушкин сидит и упорно делает выписки из толстого фолианта», — писал историк, пушкинист Натан Яковлевич Эйдельман³, констатируя неслучайность обращения Пушкина к данной теме.

¹ 1742—1775.

² 1681—1741.

³ 1930—1989.

Тем не менее эти наброски надолго остались в тени. Последний из камчатских отрывков был опубликован литературоведом Сергеем Михайловичем Бонди¹ в 1933 году, на чём изучение данных набросков, пишет Эйдельман, почти остановилось: специалисты не видели резона углубляться в конспект.

Действительно, черновики, о которых идёт речь, по большей части — не оригинальные пушкинские тексты, а выписки из сочинения Степана Крашенинникова — ботаника, географа, этнографа, который исследовал Сибирь и Дальний Восток в 1733—1743 годах, проехав и пройдя свыше 25 тысяч вёрст. Его вышедшее в 1755 году «Описание земли Камчатки» стало международным бестселлером. Эта объёмная книга — первый большой труд о российском Дальнем Востоке, имевший широкий успех.

И всё-таки считать выписки Пушкина не более чем конспектом, доказывает Эйдельман, — неверно. В них — не только крашенинниковское, но и пушкинское.

И при Крашенинникове, и при Пушкине у России ещё не было ни Приамурья, ни Приморья — эти территории вошли в состав империи лишь в середине XIX века. Русский Дальний Восток тогда точнее было бы называть Дальним Севером. «О Камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете; а какое её положение, какое состояние, какие жители и прочая, о том ничего подлинного нигде не находилось» — так Крашенинников начинает свой труд. К зиме 1836/37 года, когда темой занялся Пушкин, многое изменилось, но и тогда мало кто представлял себе отчётливо, что такое Камчатка. Этот уже достаточно давно присоединённый к России край предстояло не только изучать и развивать, но и прописывать в пространстве русской культуры. Пушкин, уже побывавший на кавказском, черноморском, бессарабском фронтах² империи, занялся именно этим. Невыездной поэт словно столбил крайние точки России, утверждая или даже расширяя её владения.

Равно интересно и то, что Пушкин выписывал из труда Крашенинникова, обозначая свои читательские и потенциальные авторские приоритеты, и то, что он добавлял от себя.

В огромном труде Степана Крашенинникова — масса

¹ 1891—1983.

² **Фронт** — в отличие от линейной границы понимается как соединяющая переходная зона взаимодействия двух или более культур и (или) политических структур.

специальных сведений о географии, климате, фауне, флоре, минералах, быте, языках, верованиях аборигенов и т. д. Пушкин выписывает топонимы, сведения о коренных народах, упоминает «огнедышащие горы» (вулканы), «бобров» — каланов (морских выдр), медведей, лососей, мифического ворона Кутха — прародителя человечества... Но куда больше, чем природа, этнография и прочая экзотика, поэта занимали освоение Камчатки русскими, отношения наших «пионеров» с нашими «индейцами», местная экономика. Из первых, «естествоиспытательских» разделов крашенинниковского труда Пушкин выписал сравнительно немного, в основном сконцентрировавшись на последней, четвёртой части книги — «О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии российских острогов». Это говорит, во-первых, о том, что Пушкин дочитал пространное сочинение Крашенинникова до конца; во-вторых, — о том, что его интересовали в первую очередь именно процессы присоединения нового края к России и его колонизации, а не география или ботаника сами по себе.

Пушкина, в частности, занимал «Федот Кочевщик» — холмогорский уроженец Федот Алексеев Попов¹, прошедший из Северного Ледовитого океана в Тихий с Семёном Ивановичем Дежнёвым² и вместе с ним открывший пролив между Азией и Америкой, позже названный именем Беринга. Попов, первым из русских посетивший Камчатку, был убит коряками при попытке их *объясчить*, то есть обложить налогом (по другой версии — умер от цинги); Александр Сергеевич величает его Федотом I, как монарха. Очень интересовала Пушкина и фигура «завоевателя Камчатки» устюжанина Владимира Васильевича Атласова³.

Конфликты и даже настоящие сражения между казаками и аборигенами происходили на Камчатке постоянно, о чём подробно пишет Степан Крашенинников. Вот происходит бунт камчадалов, которые сожгли острог и «побили» казаков. Тогда на Камчатку возвращают попавшего было в опалу Владимира Атласова, веля «обид никому не чинить и противу *иноземцев* строгости не употреблять, коли можно обойтись ласкою»; однако отряд из семидесяти казаков во главе с Иваном Таратиным, посланный Атласовым для наказания убийц ясачных сборщиков, был вынужден принять

¹ ? — 1648.

² 1605—1673.

³ Около 1661—1711.

бой с воинством из 800 камчадалов, и кровопролитие возобновилось. «Дикарей убито и потоплено столько, что Большая река запрудилась их трупами»; «Все казаки с женами и детьми были перерезаны»; «Все камчадалы погибли, не спаслись и те, которые сдались. Ожесточённые казаки всех перекололи»... — вот характерные цитаты. Долгая, тяжёлая, кровавая история; беспощадная, но не бессмысленная.

Вот только что мы о ней знаем, если на эту тему не написано романов и не снято фильмов?

Камчатские сюжеты, как нетрудно заметить, сливаются с двумя другими ключевыми в понимании Пушкина темами русской национальной истории — Петровской эпохой и казацкой вольницей. Вот взбунтовались уже сами казаки, недовольные суровостью Владимира Атласова, и засадили его в *казёнку* (тюрьму). В какой-то момент на Камчатке собралось сразу трое конкурирующих представителей государственной власти — бежавший из-под замка Атласов и вновь присланные государственные приказчики Пётр Чириков и Осип Миронов (Липин). Последний сразу был «зарезан от казаков», Чирикову дали время покаяться, после чего «бросили скованного в пролуб» — прорубь; Атласова казаки зарезали спящим. «Так погиб камчатский Ермак!» — говорит о конце Атласова Пушкин, самой этой параллелью с покорителем Сибири Ермаком Тимофеевичем¹ устанавливая для описываемых событий подобающий, в его представлении, исторический масштаб.

Считается, что на основе труда Степана Крашенинникова Пушкин готовил для журнала «Современник» статью о покорении Камчатки. Вот её возможное начало: «Завоевание Сибири постепенно совершалось. Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Вызвались смельчаки, сквозь невероятные препятствия и опасности устремлявшиеся посреди враждебных диких племён, приводили их под высокую царскую руку, налапали на их ясак и бесстрашно селились между ними в своих жалких острожках...»

Не исключено, что у Пушкина имелся замысел художественного произведения о Камчатке (как обращение к восстанию Емельяна Пугачёва породило не только историческую «Историю Пугачёвского бунта», но и художествен-

¹ 1532—1585.

ную «Капитанскую дочку»). Порой пушкинские выписки из труда Крашенинникова перерастают в прозаические наброски: «Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают её. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности и причиняет несносную боль глазам. Настаёт лето. Камчатка, от наводнения освобождённая, являет скоро великую силу растительности; но в начале августа уже показывается иней и начинаются морозы». Ещё первый пушкинист Павел Васильевич Анненков¹ был убеждён: Пушкин делал камчатские выписки «для будущего художественного воспроизведения казачьих подвигов и правительственных распоряжений в этой земле». Но, к сожалению, на всех этих планах поставил крест Дантес.

Символичным представляется то, что работу Пушкина над дальневосточным замыслом прервала именно французская пуля. За восточные территории и акватории России в XIX веке приходилось соперничать, как ни странно, не столько с Азией, сколько с Европой. Дальневосточные («тартарские») берега за несколько лет до основания Владивостока описывали англичане и французы, давая здешним бухтам и мысам свои названия; в 1854 году гарнизон адмирала Василия Степановича Завойко² оборонял Камчатку от англо-французской эскадры. Не приди сюда Россия — на тихоокеанском берегу вместо Владивостока могли бы появиться европейские колонии, как они возникли южнее, в Китае: английский порт Гонконг, немецкий Циндао, португальский Макао и т. д.

Помимо неравнодушия к отечественной истории, у Пушкина имелись причины личного характера для того, чтобы интересоваться Дальним Востоком. Его дальний родственник Василий Никитич Пушкин³ в 1644 году был назначен воеводой в Якутск. К месту новой службы из-за логистических особенностей, свойственных эпохе и территории, он прибыл лишь в 1646 году, после чего пробыл в должности около трёх лет.

Пушкинский прадед Ибрагим Петрович Ганнибал⁴, по-

¹ 1812 или 1813 — 1887.

² 1812—1898.

³ Около 1596—1649.

⁴ Около 1696—1781.

пав после смерти Петра I в опалу, был, по словам самого поэта, «послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену».

Один из лицейских друзей Пушкина, Фёдор Фёдорович Матюшкин¹, в 1820 году в чине мичмана отправился на Ледовитое побережье исследовать *terra incognita* — местность от устья Индигирки в Якутии до Колючинской губы на Чукотке — в составе экспедиции лейтенанта Фердинанда (Фёдора) Петровича Врангеля² (впоследствии оба дослужились до адмиральских чинов, Врангель в 1855—1857 годах занимал пост морского министра). Писатель, чукотский классик Юрий Сергеевич Рытхэу³ в своей последней книге «Дорожный лексикон» приводит историю, слышанную им в детстве от сказителя Нонно: «Дело происходило... на мысе Рыркайпий⁴... Гостями местного, говоря нынешними словами, олигарха Армагиргина были русские путешественники — Фердинанд Врангель и Матюшкин». При свете жирников — светильников, в которых горел тюлений жир, — хозяева и гости давили вшей. Путешественники расспрашивали о «загадочном острове, якобы расположенном строго на север от Рыркайпия». Армагиргин сообщил гостям: каждую весну к этому острову летят стаи белых гусей, а зимой переправляются песцы и стада диких оленей; более того, там даже «жили люди из племени анкалинов — морских людей». Возможно, речь идёт об острове Врангеля, о котором к тому времени русским уже было известно от нескольких путешественников, хотя на картах он утвердился лишь во второй половине XIX века. По другой версии, Армагиргин рассказывал Матюшкину о не существующем ныне острове, который мы знаем как «Землю Санникова» из одноимённого романа геолога, академика Владимира Афанасьевича Обручева⁵, опубликованного в 1926 году (обитателей этой земли Обручев называет онкилонами — созвучно с анкалинами).

Вероятно, именно к будущему адмиралу Фёдору Матюшкину обращено пушкинское стихотворение «Завидую тебе, питомец моря смелый...», лирический герой которого мечтал оставить «берега Европы обветшалой».

Пушкин намеревался и сам побывать на Дальнем. Ког-

¹ 1799—1872.

² 1796 или 1797 — 1870.

³ 1930—2008.

⁴ Мыс Отто Шмидта.

⁵ 1863—1956.

да в 1829 году Министерство иностранных дел России решило отправить в Китай большую дипломатическую и научную миссию, её глава — друг Пушкина, востоковед, изобретатель электромагнитного телеграфа Павел Львович Шиллинг¹ — даже включил было Александра Сергеевича в состав экспедиции. Надо сказать, что интерес Пушкина к Китаю был далеко не поверхностным. Он дружил с архимандритом Иакинфом (Бичуриным)² — востоковедом, составителем русско-китайского словаря, много лет служившим в Пекине в Русской духовной миссии. Тот дарил Пушкину книги по истории Китая; поэт писал, что «глубокие познания и добросовестные труды» отца Иакинфа (Бичурина) «разлили свой яркий свет на сношения наши с Востоком». Рискнём предположить, что даже сегодняшней наш «поворот на восток» в каком-то смысле запрограммировал Пушкин ещё в те времена, когда Китай считали «спящим» и «недвижным». Вероятно, по дороге в Китай — в Иркутске или окрестностях — Пушкин рассчитывал увидеться с декабристами, отбывавшими ссылку. Однако разрешения отправиться в дальний поход поэт (уже написавший стихи «Поедем, я готов...», в которых упомянул «стену далёкого Китая») не получил.

С Китаем не вышло; как знать — может, вышло бы с Камчаткой, если бы не Дантес?

Когда Пушкин отправился на последнюю дуэль, на его столе остались лежать камчатские наброски. Проживи он несколько дольше — и мы, вероятно, получили бы шедевр, с которого могла бы начаться большая литература восточного русского фронта. Но вышло так, что Пушкин оставил нам лишь неоконченное предисловие.

С другой стороны, восточные устремления Пушкина, вероятно, повлияли на творчество последующих литераторов, включая уже упомянутых Гончарова и Чехова, — первых классиков главного калибра, добравшихся до Дальнего Востока и написавших о нём.

Этими классиками — а ещё офицерами, географами, разведчиками, умевшими держать в руках и оружие, и компас, и перо (Невельской, Венюков³, Пржевальский⁴...), —

¹ 1786—1837.

² В миру — Никита Яковлевич Бичурин; 1777—1853.

³ *Михаил Иванович Венюков* (1832—1901) — русский путешественник и военный географ, генерал-майор.

⁴ *Николай Михайлович Пржевальский* (1839—1888) — русский путешественник, географ и натуралист.

будет порождён первый дальневосточный гений места Владимир Арсеньев. Именно он создаст образ Дерсу Узала — первого дальневосточного героя, ставшего всесоюзным и даже (спасибо японскому режиссёру Акире Куроаве¹) мировым. Книги Арсеньева об Уссурийском крае, в свою очередь, вдохновили Михаила Михайловича Пришвина² на то, чтобы приехать в Приморье, проникнуться этой территорией и написать о ней важные слова.

Все эти очарованные странники — адмиральский секретарь Гончаров, переписчик каторжан Чехов, пехотный офицер Арсеньев, натуралист Пришвин... — соединены тонкой, но прочной связью, тексты их полны осознанных и неосознанных переключек. Они по очереди держали факел, который до сих пор освещает нам дорогу на восток. Своими травелогами они открывали далёкие русские периферии для самой же России, продолжая дело казаков, моряков, первопроходцев, ведомых за Урал могучим имперским инстинктом (не только же сободем, как утверждают приземлённые западные историки).

На Дальнем Востоке появлялись местные авторы и целые литературные кланы. Издатель, прозаик, летописец Владивостока Николай Петрович Матвеев (Амурский)³ — первый европеец, родившийся в Японии, автор выпущенных книгоиздателем Иваном Дмитриевичем Сытиным⁴ в 1904 году «Уссурийских рассказов», — стал отцом семейства, из которого вышли футурист Венедикт Николаевич Март⁵, поэт Иван Венедиктович Елагин⁶, географ и литератор Николай Николаевич Матвеев (Бодрый)⁷, философ Нон Эсма⁸, лётчик и прозаик Лев Петрович Колесников⁹, бард Новелла Николаевна Матвеева¹⁰. Другой пишущий клан основал сосланный за участие в Польском восстании 1863—1864 годов Михаил Иванович Янковский¹¹ — предприниматель, исследователь, меценат. Его сын Юрий¹² в

¹ 1910—1998.

² 1873—1954.

³ 1865—1941.

⁴ 1851—1934.

⁵ 1896—1937.

⁶ 1918—1987.

⁷ 1891—1979.

⁸ Пётр Николаевич Матвеев; 1892—1962.

⁹ 1923—1986.

¹⁰ 1930—2016.

¹¹ 1842—1912.

¹² Юрий Михайлович Янковский; 1879—1955.

1944 году издаст в Харбине книгу «Полвека охоты на тигров». Внук Валерий¹ доживёт до XXI века, напишет летопись своей семьи «Нэнуни» и гроздь охотничьих рассказов.

В эпоху революций Владивосток, набитый разномастными интервентами и потрясаемый переворотами, стал столицей футуризма. Давид Давидович Бурлюк написал в Приморье «Морскую повесть» и множество картин². Сергей Михайлович Третьяков³ выпустил здесь свою первую книгу «Железная пауза». Николай Николаевич Асеев⁴ издал сборник «Бомба» и основал «Балаганчик» — местное «Стоило Пегаса», где собирались литераторы, артисты, музыканты, по разным причинам очутившиеся в смутное время на краю пылающей империи. Велимир Хлебников⁵ до Приморья не доехал, но написал стихи «Переворот во Владивостоке» и изобрёл слово «овладивосточить».

После занятия Владивостока красными восточной столицей белой эмиграции стал Харбин. В текстах русских харбинцев и шанхайцев творился синтез европейского и азиатского. Отечественная словесность, пусть и разделённая государственными границами, обогащалась смыслами, накопленными древними цивилизациями Востока.

О Гражданской войне на Дальнем Востоке писали её участники — бывшие партизаны Рувим Исаевич Фраерман⁶ (повесть «Васька-гиляк»; самая известная вещь Фраермана «Дикая собака Динго...» — не о войне, но тоже о Дальнем Востоке, её место действия — не названный прямо, но узнаваемый Николаевск-на-Амуре), Александр Александрович Фадеев⁷ («Разгром», «Против течения», «Последний из удэге»), Виктор Павлович Кин, он же Сурувикин⁸ — автор великолепного романа «По ту сторону».

В 1926-м владивостокская газета «Красный молодняк» напечатала стихи «Октябрь» — это была первая публикация шестнадцатилетнего «трансзиатского поэта» Павла Василь-

¹ Валерий Юрьевич Янковский; 1911—2010.

² Лишь несколько лет назад выяснилось, что на картине Давида Бурлюка (1882—1967), известной под названием «Вид побережья Крыма. Коктебель», изображён владивостокский пляж, именуемый в народе «Диваном».

³ 1834—1892.

⁴ 1889—1963.

⁵ Виктор Владимирович Хлебников; 1885—1922.

⁶ 1891—1972.

⁷ 1901—1956.

⁸ 1903—1938 (?).

ева¹. Во Владивостоке он познакомился с литераторами есенинского круга Рюриком Ивневым² и Львом Повицким³, подружился с Донатом Мечиком⁴ — будущим отцом Сергея Довлатова⁵, печатавшим в приморской газете «Красное знамя» стихи:

Льются солнцем лучи, словно струны,
Рано утром поют петухи,
Ах, как хочется радость и юность
Переплавить в стальные стихи...

Сергей Довлатов позже напишет: «Владивосток был театральным городом, похожим на Одессу. В портовых ресторанах хулиганили иностранные моряки. В городских садах звучала африканская музыка. По главной улице — Светланке — фланировали щёголи в ядовито-зелёных брюках. В кофейнях обсуждалось последнее самоубийство из-за неразделённой любви...» Сам он в отличие от своих родных во Владивостоке ни разу не был; воспринимать его прозу в качестве документа не стоит, несмотря на присутствие в ней подлинных фамилий. Но точно известно, что дядя Довлатова — Михаил Мечик — учился вместе с Александром Фадеевым во Владивостокском коммерческом училище и даже печатал стихи в сборнике «Зелёные побеги», который тот редактировал.

Считается, что роковую роль в судьбе Бориса Пильняка⁶ сыграла «Повесть непогашенной луны» о загадочной смерти командарма Гаврилова, в фигуре которого угадывался наркомвоенмор Михаил Васильевич Фрунзе⁷. Но формальным поводом для ареста и расстрела писателя стало обвинение в шпионаже в пользу Японии, где он побывал в 1926 году, после чего написал «Корни японского солнца» — одну из первых книг, открывавших русскому читателю Страну восходящего. Комментарий к «Корням...» под названием «Ноги к змее» подготовил востоковед, уроженец Владивостока, контрразведчик, прозаик Роман Николаевич Ким⁸.

¹ Павел Николаевич Васильев; 1910—1937.

² Михаил Александрович Ковалёв; 1891—1981.

³ Лев Иосифович (Осипович) Повицкий; 1885—1974.

⁴ Донат Исаакович Мечик; 1909—1995.

⁵ Сергей Донатович Довлатов (при рождении Мечик, по паспорту — Довлатов-Мечик); 1941—1990.

⁶ Борис Андреевич Вогау; 1894—1938.

⁷ 1885—1925.

⁸ 1899—1967.

Для писателей XIX века русским фронтиром был Кавказ, о котором писали Пушкин, Лермонтов, Толстой... Дальний Восток ещё не воспринимался в качестве полноценной части России. «Русское сознание не видело здесь ни русских героев, ни русской жизни, ни русских проблем — кроме, может быть, военных, государственных... Наши писатели в интеллектуальном, творческом смысле жили той, привычной русской землёй. Они описывали, зарисовывали, давали имена, придумывали дальневосточный язык, но здесь ещё не было русской жизни, некуда было помещать героев», — размышлял дальневосточный литературовед Александр Михайлович Лобычев, автор отличной книги эссе «На краю русской речи».

Фритъоф Нансен¹ записал во время своей сибирско-дальневосточной поездки 1913 года: «Странно, что эти дремучие необозримые леса с их реками и проживающими тут туземцами никогда не пленяли детской фантазии, как девственные леса Америки с их краснокожими обитателями. Названия рек: Енисей, Лена, Ангара, Тунгуска, Байкал — и племён: остяки, тунгусы, якуты — никогда не пробуждали мальчишескую фантазию, как Гудзон, Делавер, Великие озёра, по берегам которых издревле селились могиране, делавары, индейцы сиу. Быть может, потому что у Сибири нет своего Купера? Ведь жизнь здесь не менее удивительна и сказочна, чем в Америке».

Понимание Дальнего Востока как нового русского фронта пришло в XX веке — с новыми угрозами.

В 1930-х годах регион ощущал настоящее писательское паломничество. Часто это был эскапизм, бегство от столичных проблем или самого себя... — но бегство не в тыл, а на передовую. Тогда казалось, что мировая война вспыхнет не на Западе, а на Востоке. Прозаики Гайдар², Кетлинская³, Лапин⁴ и Хащревин⁵, Евгений Петров⁶ (из его очерка о комсомолках-хетагуровках: «Я убедился, что на Камчатку, на Сахалин, в Комсомольск хотят ехать почти все. И все ищут “трудностей”...»), поэт, автор песен про любимый город и цветущие на Марсе яблони Долматовский⁷ («Испания

¹ 1861—1930.

² Аркадий Петрович Голиков; 1904—1941.

³ Вера Казимировна Кетлинская; 1906—1976.

⁴ Борис Матвеевич Лапин; 1905—1941.

⁵ Захар (Захарий) Львович Хащревин; 1903—1941.

⁶ Евгений Петрович Катаев; 1902—1942.

⁷ Евгений Аронович Долматовский; 1915—1994.

и Дальний Восток были в те времена самыми романтическими адресами наших мечтаний. В Испанию я не попал. Что ж, махну на Дальний Восток!»), кинорежиссёры Васильевы¹, Довженко², Герасимов³... Будущий автор повести «Звезда» о разведчиках Эммануил Генрихович Казакевич⁴ в 1930-х строил Еврейскую автономию — Израиль-на-Амуре. Поэт Илья Львович Сельвинский⁵ заготавливал пушнину на Камчатке, путешествовал на «Челюскине», писал стихи о тиграх и нерпах. Автор романа «Далеко от Москвы» Василий Николаевич Ажаев⁶ строил нефтепровод с Сахалина на материк сначала как заключённый, потом как вольный. Пётр Андреевич Павленко⁷ написал в 1937 году роман «На Востоке» о будущей войне, где советские бомбардировщики громят Токио, причём в кабине самолёта нанаец Бен Ды-Бу распевает «Интернационал»; а потом японские пленные строят под Владивостоком новый город и стремительно «перековываются».

На Дальний Восток попадали — по своей или чужой воле — умные и энергичные люди.

Рувим Фраерман:

«Я спросил у него, почему он так стремился на Дальний Восток. Он ответил:

— Здесь — граница и ближе враг.

Потом, подумав немного, добавил:

— Тут есть виноград и кедры».

Вот оно: передний край плюс экзотика.

Илья Сельвинский написал в 1932 году:

Камчатка — действительно твёрдый берег!

(«Отдать якоря!» — приказ.)

И я открываю её, как череп,

Как Лермонтов — Кавказ.

Русскими киплинггами, взглядывавшимися в восточные горизонты, стали Сергей Владимирович Диковский⁸ («Патри-

¹ *Братья Васильевы* — творческий псевдоним советских кинорежиссёров и сценаристов, однофамильцев Георгия Николаевича (1899—1946) и Сергея Дмитриевича (1900—1959) Васильевых.

² Александр Петрович Довженко; 1894—1956.

³ Сергей Аполлинариевич Герасимов; 1906—1985.

⁴ 1913—1962.

⁵ 1899—1968.

⁶ 1915—1968.

⁷ 1899—1951.

⁸ 1907—1940.

оты», «Приключения катера “Смелый”»), Константин Михайлович Симонов¹ («Далеко на востоке», «Товарищи по оружию»), несколько позже — Юлиан Семёнович Семёнов², начавший свою штирлицяну Дальним Востоком времён Гражданской, и Александр Андреевич Проханов, первой горячей точкой которого стал в 1969 году остров Даманский на Уссури.

«Военная тайна», начатая Гайдаром в Хабаровске в 1932 году (он тогда работал в газете «Тихоокеанская звезда» — писал о лесозаготовках, шахтёрах, промысле иваси, бюрократях, строительстве НПЗ...), полна предчувствия новой войны с Японией. Или, скорее, новой фазы этой войны, шедшей с перерывами почти всю первую половину XX века.

Баталистская звезда Константина Симонова зажглась в 1939-м на Халхин-Голе. Когда говорят пушки, музы не молчат; просто их голос порой неотличим от звука винтовочного выстрела или разрыва мины.

Андрей Сергеевич Некрасов³, окончивший Владивостокский морской техникум (тот самый, где чуть раньше училась легендарная Анна Ивановна Шетинина⁴ — первая в мире леди-капитан) и работавший в 1930-х в тресте «Дальморзверпром», придумал капитана Врунгеля — русского Мюнхгаузена, объединив термин «травелог» с морским словечком «травить». В книге сполна отразилось время: главный недруг Врунгеля — адмирал Кусаки из «одной восточной державы», а сам капитан не упускает случая рассказать о планах «японских бояр» по захвату Сибири и Китая.

Изучение дальневосточных архивов времён Гражданской войны и рассказы вышеупомянутого Романа Кима — «советского Флеминга», основоположника отечественного шпионско-политического романа («Девушка из Хиросимы», «Тетрадь, найденная в Сунчоне», «По прочтении сжечь») — помогут Юлиану Семёнову придумать Штирлица. Действие первого романа о легендарном разведчике «Пароль не нужен» развивается во Владивостоке, Хабаровске и занятом японцами Дайрене (он же — русский порт Дальний, ныне — китайский Далянь) в 1921—1922 годах. Сам Ким попал в эту книгу под именем связного Чена, он же — Марейкис.

Вот она — матрица территории, дальневосточный литературный взвод: арсеньевский таёжник Дерсу, фадеевский партизан Левинсон, гайдаровский Мальчиш-Кибальчиш,

¹ 1915—1979.

² 1931—1993.

³ 1907—1987.

⁴ 1908—1999.

некрасовский Врунгель, семёновский Исаев-Штирлиц. Один символизирует гармонию в отношениях человека и природы, другой — целеустремлённость в служении Делу, третий — патриотизм...

А как представить нашу словесность без колымской прозы Варлама Шаламова? Она — не столько о лагере, сколько о человеке, его безграничной способности к подлости, о бездне, в которую он опустит себя и ближнего, если создать для этого минимальные условия.

З/к Заболоцкий¹ строил Комсомольск-на-Амуре, з/к Жигулин² добывал олово на Колыме, з/к Мандельштам³ умер во Владивостокском пересыльном лагере. Автор «Крутого маршрута» Евгения Соломоновна Гинзбург⁴, выйдя в 1947 году из лагеря, некоторое время жила в Магадане, там же провёл юность её сын — будущий писатель Василий Павлович Аксёнов⁵. Артист Георгий Степанович Жжёнов⁶, отбывавший срок на Колыме (попал за решётку прямо со съёмок герасимовского «Комсомольска»), написал великий рассказ «Саночки», Валерий Юрьевич Янковский⁷ — автобиографическую повесть «Этапы». Если у Шаламова показаны психология и физиология расчеловечивания, то Жжёнов и Янковский пишут о том, как человеческое может сохраняться даже в нечеловеческих условиях.

1960-е привнесли новую дальневосточную моду: романтики, геологи, комсомольцы, БАМ... Анатолий Тихонович Гладилин⁸ добывал золото на Чукотке. Чингиз Торекулович Айтматов⁹ писал прозу о нивхах. Фазиль Абдулович Искандер¹⁰ — стихи о камчатских рыбаках:

Первой камбалы первый блин
Шлёпнулся и погрузился в сплин.

Красный краб, королевский краб
Шевелит свастикой сломанных лап.
.....

¹ Николай Алексеевич Заболоцкий (Заболотский); 1903—1958.

² Анатолий Владимирович Жигулин; 1930—2000.

³ Осип Эмильевич Мандельштам; 1891—1938.

⁴ 1904—1977.

⁵ 1932—2009.

⁶ 1915—2005.

⁷ 1911—2010.

⁸ 1935—2018.

⁹ 1928—2008.

¹⁰ 1929—2016.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru